

ВЯЧЕСЛАВ КАМИНСКИЙ

Лабиринт времени

ФАНТАЗИИ НА ТЕМУ ГОРОДА К

Вячеслав Каминский

Лабиринт времени.
Фантазии на тему города К

«Издательские решения»

Каминский В.

Лабиринт времени. Фантазии на тему города К / В. Каминский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905561-3

Лабиринт времени — это фантазия на тему города К. В ней переплелись правда и вымысел, настоящее и прошлое, исторические персонажи и придуманные автором. Она о первой любви, о дружбе и долге и о времени, в котором очень легко заблудиться. Фантастический рассказ «Объект» рисует перед нами очень непростую ситуацию в одной отдельно взятой семье. Как поступят герои рассказа? Что предпримут? Какие испытания их ждут? И действительно ли мы в ответе за тех, кого приручили...

ISBN 978-5-44-905561-3

© Каминский В.
© Издательские решения

Содержание

Лабиринт времени	6
К читателям	7
Западня	8
Прогулка с философом	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лабиринт времени Фантазии на тему города К

Вячеслав Каминский

© Вячеслав Каминский, 2018

ISBN 978-5-4490-5561-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лабиринт времени Фантазия на тему города К

К читателям

Эта история случилась в нашем городе. Впрочем, ни в каком другом она и не могла произойти. Ведь только здесь, гуляя по знакомым и незнакомым улочкам, можно наткнуться на шляпу великого философа, забытую на скамейке, или оказаться возле дома знаменитого сказочника, от которого, правда, остался лишь один камень, зато героев его сказок – хоть отбавляй. Можно примерить ботфорт, оставленный самым правдивым в мире рассказчиком, и услышать бой курантов с башни старинного собора, который, казалось, никогда уже не возродится.

Эта история случилась в нашем городе. В ней переплелись правда и фантазия, настоящее и прошлое, исторические персонажи и вымышленные. Она о первой и последней любви, о дружбе и долге, и о времени, в котором очень легко заблудиться.

Западня

В самый обычный день, часов около трёх пополудни, через остров к Дворцу моряков шёл молодой человек. Он шёл не спеша, до репетиции в Литературном театре было ещё достаточно времени, и думал о том, как было бы здорово на этой самодеятельной сцене, где ему, правда, доставались лишь скромные роли даже не второго, а третьего плана, поставить гофмановского «Цинобера». Желание было вполне понятным, ведь он сам стал жертвой этого «крошки Цахеса». Хотя какой тот, между нами, крошка: высокий, с мягкими кудрями до плеч и даже приятными чертами лица. Звали его, правда, вовсе не Цахес, а Валентин. Он вызывал восхищение у всех однокурсниц, особенно когда брал в руки гитару и начинал петь сладким голосом что-нибудь про «оранжевого кота» или «царевну-Несмеяну». И ведь никто из них не видел, кроме студента Игоря (молодой человек был именно он), что это же уродец со старческой мордашкой и паучьими лапками. Вот этими мерзкими лапками он и заарканил бедную Лизу. Его Лизу! Или уже не его? Неужели она не видит, что это оборотень, укравший его, Игоря, мысли, его чувства, его любовь к ней. Он говорит то, что хотел, но не осмелился сказать Игорь, шутит его шутками, читает стихи, которые хотел ей прочесть Игорь. Этот уродец Цахес, Игорю хотелось назвать его тохес, украл у него самое дорогое – его Любовь. И теперь его жизнь потеряла всякий смысл и значение. Игорь даже готов был с ней расстаться. Но только чуть позже, после того, как поставит эту обличительную пьесу про ненавистного «Цинобера», чтобы Лиза, наконец, поняла, на кого его променяла. На этого глупого, самовлюбленного, говорящего чужие мысли Цахеса. Но поздно, Лизонька, поздно... Гуд бай, май лав, гуд бай!

С этими грустными мыслями Игорь не заметил, как оказался у стен Кафедрального собора, величественного даже в столь разрушенном виде. Не раз вместе со своими друзьями-студентами он пролазил через проёмы в кирпичной стене внутрь здания, нередко находя там всякие интересные вещицы: разломанный подсвечник, медную табличку с выгравированной на ней непонятной надписью, пуговицу с французского мундира времен Наполеона и даже чей-то череп. Пока эти проёмы не замуровали, дабы любознательные граждане не разобрали собор или, вернее, то, что от него осталось, по кирпичику.

Да, теперь попасть внутрь стало несколько сложнее. Но при желании – можно. Вот и сейчас рядом с усыпальницей великого философа, на уровне второго яруса, у еще не заделанного окна, стояла лестница. Обыкновенная стремянка. И ненавязчиво, как в сказке про Алису, звала: «Залезь на меня! Ну, смелее!». Соблазн был велик. Очень велик. И, убедившись, что рядом никого нет, Игорь полез по плохо струганным ступенькам наверх. Добравшись до оконного проёма, он посмотрел вниз: там, в прошлогодней листве, прятались три золотисто-зелёные ящерицы. Одни хвостики торчали. Они были совсем рядом, и Игорь, не задумываясь (была

не была), прыгнул вниз. Из-под ног с писком выскочили три здоровенные крысы и, зло посмотрев на Игоря, спрятались в куче битого кирпича.

– Интересно, – подумал он, – чем они здесь питаются?

Но тут же забыл про них. Причем тут крысы, когда он оказался в самом сердце старинного собора. Совсем один! И потому все увиденное воспринимал значительно острее, нежели когда здесь разгуливал с друзьями. Могучие, хоть и сильно израненные стены, с многочисленными готическими арками, венчались бездонным, синим куполом неба с пухлыми кучевыми облаками. И от этого казалось, что собор, лишённый кровли, оторвавшись от земли, летит навстречу Вселенной. А стены?.. Они шагали навстречу друг другу, желая расплющить бедного Игоря. Да, медленно, но верно приближались... Он это видел. Собственными глазами! И для большей верности стал считать шаги от одного нефа до другого. Получилось семьдесят три шага. Он ещё раз измерил расстояние. Вышло семьдесят два. И ещё... На этот раз он насчитал семьдесят один шаг.

Чушь какая-то, наваждение, подумал Игорь. Быть такого не может. Но ему почему-то стало страшно. В тишине, сюда с улицы не долетал ни один посторонний звук, он даже услышал стук собственного сердца. Оно билось ровно, но часто.

Всё, хватит, пора возвращаться, решил он и... ахнул. А как? Как ему отсюда выбраться? Ведь с этой стороны не было никакой, хоть самой захудалой лестницы. А без неё до оконного проёма не долезть. Ну как он об этом не подумал, когда так опрометчиво сюда сиганул. Только крыс распугал. Но делать что-то надо! Игорь попытался вскарабкаться по шершавой стене, цепляясь за кирпичные выступы, но только руки ободрал. Да, альпинист из него никудышный. Впрочем, отчаиваться не стоит, вон, здесь сколько всякого мусора: камней, палок, битого кирпича. Придумаем что-нибудь. Камни были тяжелые, к тому же выковырять их из земли оказалось не так-то просто – сил на это уходило много. С кирпичом было проще. Но и он то крошился, то ломался. Так что пирамида хоть и росла, но очень медленно, зато силы уходили быстро. Очень быстро. И пока Игорь вконец не обессилил, решил предпринять ещё одну попытку дотянуться до злосчастного оконного проёма. И ему это удалось. Почти. Он даже успел увидеть, как к могиле всемирно известного философа Канта приближается группа приезжих экскурсантов. Скорей всего, судя по халатам и тибетейкам, из какой-то солнечной среднеазиатской республики. Но то ли от того, что испуганные туристы смотрели на него, как на какое-то соборное привидение, выползшее на волю из готических недр, то ли из-за хлипкости сооружённой Игорем конструкции, а, может, просто из-за нехватки сил, но руки у него разжались, и он с криком упал на камни. Боли он даже не почувствовал. Её, видимо, заглушило чувство досады. Но, когда он попытался встать, она дала о себе знать. Притом так резко, что Игорь вновь закричал. Ещё громче.

И тут ему впрямь стало страшно. Как в детстве, когда к нему впервые пришла Тревога. Сначала она приходила к отцу. Притом всегда по ночам. О её приходе истошно, поднимая

на ноги весь дом, возвещал посыльный солдат. И отец-богатырь, молча вставал, быстро одевался, брал собранный заранее маленький чемоданчик, целовал жену, Игорька (тот делал вид, будто спит) и уходил на Войну. С Тревогой. Дня через два или три он возвращался домой – худой, усталый, но довольный, что одолел-таки это мерзкое чудище. Но проходила неделя, другая, и новый посыльный вновь трубил на весь подъезд о вернувшейся Тревоге. Она была бессмертна.

А потом Тревога пришла к Игорьку. И тоже ночью. Когда его родители уехали в отпуск (что это и где находится, этот Отпуск, Игорь тогда не знал), и он остался один дома, с бабушкой. Вот тут-то она и заявила – Тревога.

Большая, круглая, с короной из остроконечных копий... На этот раз она пришла за Игорьком. И, мерзко хохоча чёрным беззубым ртом, уже чуть было не схватила мальчика за розовые пятпочки, в которых и прятался его страх.

– Тревога! – только и успел крикнуть он. – Тревога!

Но тут зажёгся свет, и в комнату вошла бабушка. Она обняла Игорька и стала успокаивать его.

– Нет никакой Тревоги. Успокойся. Ты же сам видишь. Никого тут нет... Это просто дурной сон.

Но Игорек ей не верил. Как же, нет... А с кем тогда уходит сражаться по ночам его отец? С Тревогой!.. Все же про это знают! Да, его ей не одолеть. Но она хитрая... Разузнала, что отца дома нет, и пришла за ним, за Игорьком. Он же видел её. Ощущал её скользкие щупальца, когда, стацив с него тёплое стеганое одеяло, она хватала его за холодные ноги.

И все эти годы, даже, когда вырос, Игорь знал, что она есть – Тревога. И когда-нибудь, когда рядом не будет ни родителей, ни уже умершей бабушки, она придет за ним...

И тут ему стало по-настоящему страшно. Он понял, что никто его здесь не найдёт. Во-первых, кто знает, что он, балбес, сюда полез, он и сам еще пару часов назад этого не знал, а, во-вторых, кто вообще его станет искать... Родители далеко, в другом городе. В общежитии его однокомнатники, бывало, и неделями не ночевали. И ничего. Никого это, в общем-то, не волновало. Ну а то, что его не будет на лекции, тоже вполне обычная картина. Можно подумать, он раньше не прогуливал.

Так что же, значит, всё? Финита ля комедия. Кончилась жизнь? Так глупо. Нелепо. Нет, нет, нет! Он такой молодой, умный, красивый, талантливый. Не может он так просто взять и умереть. Это невозможно!

– Но ты же сам только что думал о смерти, уверяя, что без Лизоньки твоя жизнь потеряла всякий смысл и значение.

– Кто это? – Игорь испуганно вглядывался в сгущающиеся сумерки. Послышалось ему это, что ли? Похоже, голос доносился из башни, куда вели выщербленные ступени. Или не из башни? Темно, не видно. Страшно.

– Мало ли что я говорил, да и не говорил я этого вовсе, только думал, – стал оправдываться, непонятно перед кем, Игорь. – Нет, я не собираюсь из-за неё умирать. Я ещё экзамен не сдал... профессору Гольдбергу.

– И правильно, – сказал голос. – Любовь уходит – знания остаются... К тому же, известно ли Вам, сударь, что ваша Лизонька – кукла?

– Как, кукла? – не поверил студент.

– Обыкновенно. Вы глаза её видели? Они же стеклянные.

Да? Как он этого сразу не увидел. Точно! Ещё подумал: где раньше он видел эти глаза. И вот теперь вспомнил: у куклы его младшей сестры. Это была большая фарфоровая кукла с золотыми локонами и огромными голубыми глазами, которые всё время наблюдали за Игорем и моргали. Как живые. И от этого ему было не по себе. Следит, зараза. И вот однажды,

пока сестра была в садике, он вместе с другом Павликом решил распотрошить игрушку. Ему хотелось узнать: живые у куклы глаза или всё-таки нет.

Да, тогда ему здорово влетело от родителей. Ещё бы! Истошный крик его сестры, вернувшейся из садика, когда вместо своей красавицы Вари она увидела кучку из колотых глиняных ручек и ножек, пучка золотистой пакли и двух белых шариков-глаз (это всё, что осталось от несчастной куклы) потряс весь дом. Зато Игорь теперь точно знал: глаза у куклы не живые, а стеклянные. И ему стало спокойнее.

Так значит Лиза – кукла?! Вот это сюрприз! И он собирался из-за этой фарфоровой красавицы лишиться себя жизни. Ну, уж нет! Он вытянул ноги, распугав подкравшихся к нему крыс.

– Что, жрать захотели? – теперь ему стало ясно – чем они, гады, питаются.

Нога хоть и болела, но встать на неё всё-таки было можно. Значит, перелома нет! Уже хорошо. И Игорь взялся снова сооружать разрушенную после своего падения пирамиду. Он больше не обращал внимания ни на тяжёлые шаги, раздающиеся за спиной, ни на треск, стук, царапание, долетающие то из тёмного подземелья, то с хоров, где некогда стоял орган, то из-под кучи спрессованного мусора. Он работал, как заведенный, не думая уже ни про Лизу с Гольдбергом, ни о явившейся за ним Тревоге, ни о театре. Ему просто хотелось жить. Очень. Он землю будет грызть, а вылезет из этой чёртовой западни, в которую сам же и залез.

Но боль всё-таки давала о себе знать. Попробовав еще одну попытку дотянуться до окна, он понял – не получится. И, обхватив голову руками, тупо уставился в одну точку. Ну, должен же быть какой-то выход. Должен!

Тем временем стемнело. Очертания многочисленных арок, перекрытий на фоне багровеющего неба смотрелись зловеще. Уже и пол было почти не видеть. И только из того места, куда безучастно смотрел Игорь, робко полз тоненький лучик. Он буквально таял на глазах. Но ещё пока совсем не исчез, Игорь побежал по нему, даже не чувствуя боли, как по нитке, брошенной ему неведомым хозяином собора. Эта нитка привела его к противоположной стене, где на уровне колен зияло небольшое отверстие. Пролезть через него было невозможно. И Игорь, просунув в него, насколько было возможно, голову, стал истошно кричать:

– Помогите! На помощь!

Но никто его не слышал. Поздно уже... Но он, навалившись на холодную грязную стену, всё продолжал и продолжал орать и плакать, не стесняясь слез..

– По-мо-ги-те!

И упал... На траву! С наружной стороны стены. Вместе с вывалившимися вместе с ним кирпичами. Живой! Целый! Не считая мелких ушибов, царапин и распухшей ноги. Но это всё ерунда, пустяки!

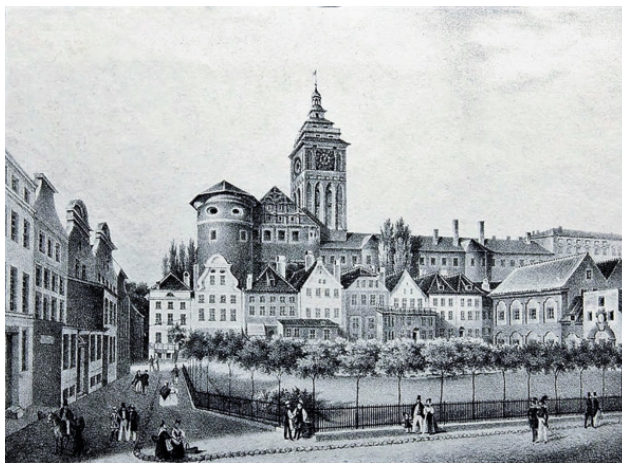
– Я живой! – кричал он, размазывая грязными руками слезы. – Живой!

Но как он, далеко не богатырь, смог пробить стену? Вот это воля к жизни! Фантастика! Игорь взял один из валявшихся на траве кирпичей. Он был сырой и рыхлый, совсем не такой, как там, внутри собора. Рядом с дырой в стене на деревянном поддоне стояли пирамидкой точно такие же кирпичи. И корыто с засохшим цементом.

Так вот в чём дело. Это просто местные реставраторы собора не успели до конца заделать дыру в стене. И Игорь был очень им за это благодарен. Ведь, по сути, местные халтурщики спасли ему жизнь. Спасибо, ребята!

Игорь посмотрел на часы. Было без четверти восемь. Он ещё успевал на репетицию.

Прогулка с философом

– Вам помочь? – Перед Игорем стоял сутулый худощавый старик в широкополой треугольной шляпе и сером плаще.

Он протянул ему руку в белой матерчатой перчатке, в другой же сжимал тонкую трость.

– Как вас зовут, сударь?

– Игорь, – хотел сказать Игорь, но почему-то произнес, – Ансельм.

Чего ему вздумало так назваться? Непонятно. Сказок, видать, начитался, своего любимого Гофмана. Или заточение в соборе на него так странно подействовало?

– Да? – обрадовался старик. – Очень приятно. Знавал я одного Ансельма. В молодости. Учил его уму разуму. Это случайно были не вы?

– Нет, – ответил Игорь. – Я учился в школе. Самой обыкновенной.

– А сейчас, где продолжаете учёбу? – стал пытаться его старик.

– В университете.

– Да? Что-то я вас не припомню...

– А кто вы? – тут уже удивился Игорь.

– Что ж вы, сударь, своего ректора не узнаете? – засмеялся старик и галантно раскланялся.

– Пал Петрович? – совсем растерялся студент. – Я вас и не узнал... Тем более в таком странном (Игорь хотел сказать дурачком, но постеснялся) виде.

– В каком таком виде? – не понял старик. – Ну да, может, камзол действительно несколько длинноват и слишком заужен. Я в нём выгляжу полным дураком. Но вы знаете – лучше быть дураком по моде, чем дураком не по моде. – И снова хрипло хихикнул. – А вот вам надо бы переодеться. Ужасно не люблю неопрятных людей. Пойдемте ко мне. Я живу тут недалеко, на Принцессинштрассе. Возле замка. Лампе вам поможет привести ваш наряд в надлежащий вид.

– Кто? – переспросил Игорь

– Лампе. Мой слуга. Бестолковый, правда, но я уже привык к нему. Тем более, глупость – недостаток, против которого, увы, нет лекарства. Остается только мириться и терпеть.

Разговор приобретал какой-то сюрреалистический оттенок. Но Игорь не стал спорить с сумасшедшим стариком. Тем более, он действительно нуждался в помощи. Однако, поднявшись с травы, даже опершись на предложенную ему руку, Игорь ощутил жгучую боль.

– Нога... – простонал он.

– Что, болит? – посочувствовал незнакомец. – Где?

– Вот, – показал Игорь на распухшую под коленом икру.

– Вы верно, сударь, артерию передавили, – сказал старик. – Надо бы её помассировать. И не спорьте. Я немного в этом деле смыслю. Сам, знаете ли, от этих подвязок страдаю. Чулки, их просто невозможно носить без этих, будь они не ладны, лент... сползают. Но как они впи-ваются в ноги, вы бы знали! Невыносимо. Так перетягивают артерии. Никакого кровотока. Но я придумал хитрое приспособление, как ленты можно время от времени ослабить. Вот, видите? – и он вынул из кармана часы, от которых тянулась внутрь панталон длинная пружина. – С помощью этого нехитрого приспособления я регулирую натяжение подвязок. Очень удобно. Рекомендую.

Игорь не стал ничего возражать. Лучше подыграть странному человеку, вырядившемуся в нелепый маскарадный костюм. К тому же, ему действительно нужна была помощь, а кто кроме этого доброхота ему её здесь окажет. И опершись на плечо маленького, но достаточно крепкого для своих лет старика, он заковылял в сторону реки.

И в это время раздался тяжёлый протяжный звук колокола. Игорь невольно поднял голову вверх и ахнул.

Собор был абсолютно цел. Будто и не бомбили его вовсе. С башней, флюгером и даже часами, которые показывали четыре часа по полудню.

– Как вы точны, господин профессор, – сказал, подошедший к ним пожилой человек, одетый также нелепо разве что пос скромнее. – По вам можно сверять часы на башне собора.

– Да нет, – возразил профессор, – это я хотел убедиться, что мои часы идут правильно и соответствуют официальному немецкому времени.

– Что ж, господин профессор, выходит, мы оба получили нужную для нас информацию. И ваши, и наши часы идут верно... – сказал незнакомец и раскланялся.

– Что это? Куда я попал? В какую влип историю? – Игорь был в полном недоумении.

– И вообще – реален весь этот мир или всего лишь плод воображения? – Похоже, я заблудился во времени и пространстве...

Он похлопал себя по щекам, надеясь, что это поможет ему вернуться в реальность. Но ничего не изменилось.

Игорь даже почувствовал резкий неприятный запах пота от своего странного спутника. Куда уж реальнее. И теперь, стараясь не думать о том, как ему выбраться из этой истории, стал с любопытством рассматривать попадающиеся им на пути дома. Некоторые даже очень знакомые. По картинкам, естественно, потому как в той, другой жизни, от них ничего уже не осталось. Даже от королевского замка, который прикончили прямо на глазах Игоря.

Из 326 аудитории, где он преимущественно слушал лекции, было хорошо видно, как здоровенная чугунная «баба» кромсает то, что чудом устояло даже от разрывов бомб, и никак не может справиться с этой непростой задачей...

Впрочем, профессор вёл его вовсе не к замку, а в прямо противоположную сторону.

– А куда мы идём? – спросил студент забавно шагающего рядом с ним старика, который прежде чем поставить ногу на землю, как бы ощупывал пяткой то место, куда затем осторожно ставил всю ступню. Наблюдать за этим было очень забавно. Однако никто, из встречающихся им на пути, не смеялся, а, напротив, вежливо, с почтением раскланялся с профессором. А один богато одетый молодой человек, поравнявшись с ним, вынул из внутреннего кармана массивные золотые часы, и стал подводить на них стрелки. Потом, повернувшись к своему собеседнику и щёлкнув пальцем по циферблату хронометра, громко, чтобы его услышал старик, произнёс:

– Ну вот, Фриц, представляешь, на десять минут опаздывают. А я за этот «Брегет» такие деньги отвалил. Вот вам и Швейцария. Никому доверять нельзя, кроме как нашему почтенному профессору. – И, приподняв шляпу, отвесил поклон.

Всё это время старик молчал и только громко, как лошадь, вдыхал раздувшимися ноздрями не такой уж приятный для нормального носа, а если сказать по-честному, смрадный воздух, в котором перемешались запахи навоза, тухлой рыбы и затхлой речной воды. Но, похоже, это не очень-то его беспокоило, привык. Он о чём-то сосредоточенно думал и, казалось, совершенно не обращал внимания на ковыляющего рядом с ним студента.

И только когда путники дошли до стен крепости (Игорь сразу узнал её по четырем уцелевшим с войны башням – сам не раз лазил здесь), старик повернулся к нему и тихо произнес:

– Мы идём по тропе...

– По какой такой тропе, – не понял Игорь.

– По философской тропе...

– Да, но вы же обещали отвести меня к себе домой, чтобы я мог привести себя в порядок, – стал жалобно канючить студент. – К тому же, у меня очень болит нога. Мне тяжело идти за вами. Мне больно!

– Больно? – старик с удивлением взглянул на Игоря. – Вы, молодой человек, не знаете, что такое боль. – И снова зашагал в сторону крепости. На щеках его выступил, не свойственный людям его возраста, румянец. Похоже, он даже помолодел, а в его серо-голубых глазах заиграли чёртики.

– Что значит, не знаю, когда я её чувствую, – семена рядом с профессором, продолжал причитать Игорь.

– И не в состоянии вытерпеть? А ведь это ничто по сравнению с душевным страданием. – Старик снова остановился и пристально посмотрел на Игоря.

– Почему, я тоже в своей жизни испытал душевные муки. Да, не верите? – не дав своему оппоненту возразить, произнес студент.

– Даже хотел жизни себя лишиться...

– Стоит ли подвергать себя такому испытанию из-за какой-то юбки?

Старик снисходительно улыбнулся.

– Как вы догадались, что из-за юбки? – удивился юноша.

– Ну а какие ещё душевные страдания могут быть в вашем возрасте? – И помолчав продолжил тихим голосом:

– Молодой человек, не переживайте вы так. И физические, и, тем более, душевные страдания – это только стимул для нашей деятельности. Именно в страдании мы чувствуем жизнь. Без этих страданий наступило бы состояние безжизненности. Вы меня понимаете?

Да, Игорь его понимал. Очень хорошо понимал. Раз ему больно, и он ощущает эту боль, значит, он существует! И не важно, в том или в этом мире. Главное, что он живой! Уже хорошо!

Но страдать ему не хотелось. Особенно физически страдать.

– Так вы меня отведёте к себе домой?

– Отведу. Вот дойдём до того угла, – старик поднял трость, указав ею на излучину реки, – и повернём обратно.

– А зачем туда идти? – искренне удивился студент. – Можно ведь и здесь повернуть. Там мы всё равно через речку не перейдём. Моста-то нет.

– Потому что я не могу нарушить максимум? – чеканя каждое слово, произнёс профессор.

– Что?

– Максиму, неужели не понятно? Правило.

– А кто его придумал, это правило?

– Я.

– И что, вы не можете нарушить то, что сами же выдумали?

– Не могу. Потому что теперь эти максимумы мне не принадлежат.

– А кому они принадлежат?

– Народу. Гражданам нашего города. Я не вправе нарушить тот уклад, который сам же и завёл. Все в городе знают: во сколько часов я выхожу из дома, когда подхожу к Кафедральному собору, когда буду у Фридрихсбургской крепости, во сколько отоплю кофею.

– И что, ничто не может нарушить этот ваш уклад?

– Почему же, может...

– Что?

– Смерть.

Игорь с изумлением смотрел на своего спутника. Да, ему этого было не понять. Сколько раз сам он опаздывал на лекции, занятия, даже на свидания с той же Лизой, объясняя это тем, что трамвай плохо ходят, или тем, что забыл свой проездной, или, совсем уж нагло, просто проспал. Ему и в голову бы не пришло переться пешком от университета до двухъярусного моста. А потом ещё и обратно. Хотя, в общем-то, это не так и далеко.

Тем не менее, когда профессор предложил ему выпить вместе с ним чашку кофе в уличной кофейне – с радостью принял это предложение.

Похоже, их здесь уже ждали. Столик, за который они сели был накрыт чистой белой скатертью, а на стуле лежала мягкая расшитая подушка.

Мимо них пробежала, сделав на ходу книксен, дочка хозяина, быстрая и хорошенькая. Старик проводил её долгим взглядом, пока она не исчезла в подсобной комнате. Было заметно, что ему приятно на неё смотреть.

– Значит, говорите, вы страдали, – снова заговорил старик. – И кто же та кукла, которая вскружила вам голову и разбила сердце?

– Почему вы решили, что она кукла?

– Ну а кто же ещё? Чем она вам приглянулась? Умом? Вряд ли. Только кукольными глазками, розовыми щёчками и... вашим неуёмным желанием обладать ею. Увы, в нашей природе заложено тяготение к заведомо пустым желаниям. Но жизнь людей, преданных только наслаждению, без рассудка и без нравственности, не имеет никакой цены.

– Где-то я уже это слышал. – Игорь демонстративно зевнул. – А вам не кажется, уважаемый профессор, что ваши нравоучения лишают жизнь главного – смысла. По-вашему и любовь – пустые желания? Но вы же сами, только что откровенно любовались дочкой трактирщика. И не отпирайтесь, я видел.

– Да, любовался, потому что она красива. А красота сама по себе составляет предмет удовольствия. Но в отличие от вас, я не стану с нею любезничать...

– Почему?

– Потому что я немец, а не француз. Любезничание – это их основа жизни. Я же предпочитаю видеть в женщине не капризного ребёнка, а друга, с кем можно было бы образовать единую моральную личность.

– То есть семью.

– Да.

– И какими качествами должна обладать женщина, чтобы понравиться вам? Быть умной, начитанной, музицировать на клавикордах? Петь?

– Вовсе не обязательно. Общее образование ей, конечно, не помешает, но необходимы и специальные знания, соответствующие её обязанности матери и хозяйки. Хорошо было бы,

чтобы молодым девицам преподавали поварское искусство учёные повара точно так же, как танцмейстеры преподают им танцы. Думаю, что первое даже важнее. Согласитесь, всякий муж предпочтёт хорошее блюдо без музыки, музыке без хорошего блюда. И уж, боже, избавь меня от учёных женщин. Они пользуются книгами примерно так же, как своими часами: они их носят только для того, чтобы показать, что у них есть часы, хотя обычно часы эти у них и не ходят.

Откровения старика поразили Игоря. Такого потребительского отношения к женщине он никак не ожидал услышать от философа. Чем же он отличается от простого бургера?

– А вы сами-то женаты? – спросил он своего собеседника.

– Когда мне могла понадобиться женщина, я был не в состоянии её прокормить, а когда я был в состоянии её прокормить, она уже не могла мне понадобиться, – сказал он и грустно улыбнулся.

– Но вы хоть любили кого-нибудь? Когда-нибудь? Когда были молоды, как я?

– Вы ждете от меня откровенности? – старик пригубил чашку с кофе. – Но её не будет...

– Почему?

– Потому что люди бежали бы друг от друга, если бы они видели один другого в полнейшей откровенности.

Он снова отхлебнул из чашки.

– Любовь... А что есть любовь? В основе очарования, которое оказывает на нас прекрасный пол, лежит половое влечение. Природа преследует свою великую цель, и все тонкости, которые сюда присоединяются, и, на первый взгляд, весьма далеки от полового инстинкта, в конце концов, являются лишь его подкрашиванием...

– Ну, зачем же вы так грубо, прямолинейно. А ещё – философ.

– Зато честно, – сердито буркнул старик. – Да, половой инстинкт – чувство весьма грубое, но «презирать его» – нет ни малейшего основания, потому что этот инстинкт делает возможным саму жизнь. Он стоит на страже порядка природы.

– И что же, вы, философ, отрицаете саму любовь? – не сдавался Игорь. – Выходит, и тот молодой человек, который страдает от безответной любви, а сердце его рвётся на части, и вон, тот морячок, лобызавший продажную красотку, в конце зала, испытывают одни и те же чувства?

– Почему же... Я этого не утверждаю. – Да, есть высшая форма любви и низшая. Хотя обе они имеют общий источник. Любовь, основанная только на половом влечении, легко вырождается в разнузданность и распущенность, потому что огонь, зажжённый в нас одной особой, весьма легко может быть погашен другою. Но это может произойти и с тем, кто уверен, что любит возвышенно. Вот, разве вы, не заинтересовались той юной трактирщицей, которая вас только что обслужила. И угостила кофе. Вы смотрели на неё совсем не так, как я. Я только любовался её красотой, а вы, вы желали её. Я видел. А как же тогда та, ваша пассия, из-за которой вы собирались покончить с жизнью?

– Её больше нет...

– Умерла?

– Да, то есть, нет. Для меня умерла. Понимаете, всё это время я любил не настоящую девушку, а фарфоровую куклу со стеклянными глазами.

– И как же вы это узнали? Вы, что, её разбили? Вынули у неё глаза? Сердце? Как?

Игорь молчал. Да и что он мог ответить сидящему напротив него старику? Что какой-то таинственный голос в разрушенном соборе сообщил ему эту страшную тайну?

– Так это ж вы мне и сказали, – вдруг нашёлся он. – Только что. Забыли? Так и сказали: «Кто та кукла, которая вскружила вам голову и разбила сердце?»

– Ну, мало ли что я сказал. Я много чего и говорил, и писал. Нельзя верить всему на слово.

- Даже вам?
- Даже мне.
- И вы не боитесь быть опровергнутым?
- Этого опасаться нечего. Опасаться следует другого – быть непонятым.

В это время в трактир вбежал запыхавшийся слуга и, приблизившись к столику, за которым сидел профессор, выдохнул:

- Слава богу, я вас нашёл.
- А в чём дело?
- Барометр, сударь, падает. Похоже, скоро будет дождь, а вы без зонта.
- Полноте, Лампе, взгляните на небо, там ни облачка.

– А я привык делать свои заключения не на априорных суждениях, а на научных знаниях, подкреплённых опытом, – вдруг разродился длинной тирадой слуга и положил на стол массивный зонт.

– Что? – добродушно засмеялся, но не удивился профессор. Похоже, такие пассажи слуги ему были не в новинку. – Да вы, Лампе, философ! И в своих суждениях пошли дальше меня. Может, вам и кафедру предоставить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.